

УДК 32.019.5

ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ ТЕРРОРИЗМА: ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Завьялов А.И.

Научно-исследовательский центр изучения проблем национальной и международной безопасности Института международных отношений и мировой истории (ИМОМИ) Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, e-mail: aznn2007@ya.ru

В статье рассматриваются вопросы понятия терроризма и экстремизма во всем мире на основе анализа различных иностранных источников. Необходимо понять, что за «красивыми словами» оправдывающие террористические акты, стоят одни и те же силы и средства.

Ключевые слова: терроризм, экстремизм, террористический акт, терминологический подход

INFORMATION AND COMMUNICATION MODEL OF TERRORISM: TERMINOLOGICAL ASPECTS

Zavialov A.I.

Research centre for the study of problems of national and international security, Institute of International Relations and World History, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, e-mail: aznn2007@ya.ru

The article discusses the concepts of terrorism and extremism around the world on the basis of the analysis of various foreign sources. You need to understand what a «beautiful words» justifying terrorist acts, are the same forces and means.

Keywords: terrorism, extremism, terrorism, terminological approach

Научное изучение терроризма и его взаимосвязи с системами общественной коммуникации означает решение вопросов терминологии. Существует разница между террористом, совершающим кровавые теракты, и экстремистом, проповедующим радикальные изменения в обществе. Также существует разница между боевиками, нападающими на подразделения оккупационной армии, и террористами, без разбора убивающих мирных жителей. Применение к той или иной организации ярлыка «террористическая» иногда бывает обоснованным, а иногда слишком радикальным. Например, в список иностранных террористических организаций Госдепартамента США по состоянию на январь 2010 года вошли 45 групп, в том числе Хезболла. Даже если предположить, что некоторые члены Хезболлы являются террористами, означает ли это, что все члены Хезболлы террористы? Конечно, нет. Хезболла, Хамас, и некоторые другие организации, состоящие в этом списке, у себя на родине являются влиятельными политическими силами, и их состав входят врачи, учителя, и прочие профессионалы, не намеренные участвовать в террористической деятельности и не одобряющие ее. Поэтому терминология должна применяться очень осторожно.

Ключевыми для исследования являются проблемы определения террористических актов, террористов, терроризма и эк-

стремизма. Целью данной работы является анализ существующих определений терроризма на предмет их пригодности для исследования информационно-коммуникационной компоненты данного явления и выработка определения терроризма, учитывающего его взаимосвязь с системами общественной коммуникации.

Следует отметить, что в 2008 г., например, Национальный Контртеррористический Центр США (НСТС) зарегистрировал около 11 800 террористических актов, в результате которых было убито, ранено и похищено 54 000 человек. Из 235 атак с большим числом жертв, т.е. от 10 человек убитыми, 75% произошли на Ближнем Востоке или в Южной Азии. Более 50 процентов убитых – мусульмане, в основном в Ираке, Пакистане и Афганистане [1, с. 10–12].

За такими обобщающими статистическими отчетами информация о конкретных террористических актах не всегда доступна. NSTC полагается на информацию из открытых источников, и в отчете центра указано, что «виновников более 7 000 терактов, т.е. более 60 процентов за 2008 г. установить не удалось». Раздробленность террористических групп, фальсификация обвинений, их отрицание – все это усложняет процесс подготовки достоверных отчетов. Туман неопределенности витает над исследованиями террористической деятельности, услож-

няя задачу тем, кто хочет изучить и понять терроризм и, возможно, дать ему отпор.

НСТС решает некоторые трудности на пути подготовки статистических отчетов о терроризме. Согласно данным Центра, «террористический акт», это когда местные подпольные группы или лица намеренно или случайно атакуют мирное население или нестроевых военнослужащих (включая военный персонал и объекты за пределами зоны военных действий и в местах проведения боевых операций). Определение того, что же является террористическим актом, относится больше к разряду искусства, чем науки; очень часто отсутствует полная информация, фактические обстоятельства интерпретируются по-разному, а мотивы виновников зачастую неясны [2, с. 4].

Аналогично необходимо дать определение «терроризму», которое бы удовлетворяло органы правопорядка, военные, политические силы и общество.

Существует множество альтернативных определений термина терроризм не только среди ученых, но также и среди политиков и государственных органов [3, с. 242–245]. В праве России терроризм определяется как идеология насилия и практика воздействия на общественное сознание, на принятие решений органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанная с устрашением населения и/или иными формами противоправных насильственных действий [4, с. 10]. С точки же зрения Госдепартамента США, термин терроризм означает «предумышленное, политически мотивированное насилие, совершаемое против мирного населения или объектов субнациональными группами или подпольно действующими агентами обычно с целью повлиять на настроение общества» [5, с. 8]. С юридической точки зрения это звучит красиво, но при анализе вызывает вопросы. Что именно называть «политически» мотивированным? Насколько четко понятие «мирные объекты»? Что такое «субнациональные» группы, особенно применительно к транснациональным или другим группам, чьи убеждения лежат за пределами каких-либо отношений к нациям, и что стало с «государственным терроризмом» внутри этого определения? В чем заключается смысл «влияния на настроения общества»?

Ответы на эти и связанные с ними вопросы можно найти, но они вряд ли будут последовательными. Еще более усложняют поиск определения различия даже внутри единой государственной бюрократической системы. В Соединенных Штатах вместо

принятия установленного законодательством определения Министерство Обороны предлагает свою версию определения терроризма: «Намеренное использование незаконного насилия или угроз незаконного насилия в целях устрашения, направленное на принуждение или запугивание правительства или общества для достижения целей, которые могут быть политическими, религиозными или идеологическими» [6, с. 2].

В то же время Министерство юстиции определяет терроризм как «незаконное использование силы или насилия против людей или собственности в качестве средства устрашения или принуждения правительства, гражданского населения или любого их сегмента в преследовании политических или социальных задач» [7, с. 4]. Различие состоит в том, что Госдепартамент ставит во главу угла «политическую мотивированность насилия», поскольку терроризм часто считается формой коллективного насилия, имеющего политические мотивы.

Эти политические мотивы варьируются в пределах широкого диапазона. Многие террористические группы преследовали цели провести революцию, установить геополитически отдельное образование (часто называемое этнически-национальным самоопределением, или национальной независимостью), прекращение проведения испытаний на животных такими группами, как Фронт Освобождения Животных (ALF), или остановка вырубке леса со стороны Фронта Освобождения Земли (ELF); или даже религиозные цели, как, например, законодательный запрет абортов, или подчинение сторонников другой веры – цели, которые все же имеют отношение к политике и власти. Десятилетия споров в ООН нагляднее всего показывают, насколько сложно найти общее определение для терроризма. Например, в то время как Соединенные Штаты и западноевропейские государства обычно одобряют то, что Израиль называет палестинских смертников террористами, существует много арабских государств на Ближнем Востоке, которые поддерживают дело палестинцев и заявляют, что это «борцы за свободу» (еще один термин, используемый в жанре политического насилия), или приводят некоторые другие одобрительные названия. На местном уровне также проходят подобные дебаты. Католики в Северной Ирландии, которые отказались называть Временную Ирландскую Республиканскую Армию (PIRA) террористами, и протестанты Северной Ирландии, которые отказались называть Объединение Обороны Ольстера (UDA) или Добровольную Дружину Ольстера (UVF) террористами, в то время,

когда все эти группы однозначно несут ответственность за серьезный террор, проводимый ими на протяжении второй половины столетия. Терминологические споры заставили некоторых предположить, что терроризм необходимо рассматривать как субъективное понятие.

Один из аспектов терминологической проблемы заключается в следующем афоризме: «Кому террорист, а кому и борец за свободу» [8, с. 7] Ясир Арафат? Менахем Бегин? Другие политические деятели, которые поднялись во времена кровавых беспорядков и стали выдающимися лидерами? Нужно ли к ним относиться как к террористам, или как к борцам за свободу?

Являются ли атаки на мирных граждан во время обычной войны, как, например, во время бомбежек Дрездена и Токио в конце Второй Мировой Войны, террористическим актом, или это законный способ принуждения к сдаче правительства вражеского государства? Не преобладают ли чувства над законодательным определением: были ли американцы во время Войны за Независимость почетными патриотами, или террористами-повстанцами? Несомненно, у американцев и британцев были разные мнения на этот счет.

В другой плоскости данного вопроса лежит разделение между понятиями «террорист» и «экстремист». Последние могут оказаться группой лиц, проповедующих ненависть, и косвенно провоцирующих атаки на гражданское население, но напрямую не участвующих в подобных действиях. Также, их послания могут оставаться за пределами определения терроризма ввиду того, например, что они призывают атаковать военнослужащих, а не мирное население. Является ли группа лиц, одобряющая, но не проводящая атаки на военные силы США в Афганистане, террористической организацией или чем то ещё? А если взять Хамас или Хезболлу, которых некоторые считают террористическими группами, в то время как многие палестинцы и ливанцы (и некоторые другие народы мира) считают их законными политическими организациями, которые преследуют благородные цели, защищая своих соотечественников от оккупантов.

Существует также тенденция, особенно на Западе, называть «террористами» членов «других» этнических, религиозных или других групп, но гораздо сложнее применяется этот термин к доморощенным террористам. В Соединенных Штатах «Усама бен Ладен» является синонимом «террориста», но то же самое неприменимо к Тимоти Маквею, представителю европеоидной

расы, ветерану армии США, который взорвал федеральное здание в Оклахома-Сити в апреле 1995 г., убив 168 человек. В Великобритании после терактов 7 июля 2005 г. виновниками в первую очередь считались мусульмане, несмотря на тот факт, что трое из четверых были уроженцами Британии (а четвертый родился на Ямайке).

Брюс Хоффман, один из ведущих исследователей терроризма, справился с задачей определения терроризма лучше всех. Он определяет терроризм как умышленное создание страха при помощи насилия или через угрозу насилия и его использование в целях проведения политических изменений. Терроризм в основном направлен на оказание более широкого психологического воздействия, охватывая более широкий круг лиц, чем непосредственная(ые) жертва(ы), или объект террористической атаки. Благодаря огласке, террористы пытаются получить рычаги воздействия, влияние и власть, которых у них изначально нет, для проведения политических изменений на местном уровне или в международном масштабе [9, с. 44].

Хоффман делает упор на создании страха, а также его использовании для получения рычагов политического давления, что особенно важно, потому что это подчеркивает тот факт, что терроризм является политическим преступлением; это не просто убийство из жажды убивать (хотя может и быть таковым для некоторых исполнителей), но скорее видится неким стратегическим инструментом и уравнивающим фактором в конфликте с неравной расстановкой сил.

В сущности, тем из нас, кто изучает терроризм, есть из чего выбрать при поиске определения. Согласно мнению политолога Дэвида Рапопорта (David Rapoport): «Террор – это насилие с характерными признаками, использующееся в политических целях частными лицами и государствами. Это насилие не регулируется общественно принятыми нормами сдерживания насилия, правилами ведения войны и правилами применения наказания. Отдельные группировки, использующие террор, чаще всего пренебрегают правилами ведения войны, в то время как государственный террор обычно пренебрегает правилами применения наказания, т.е. теми правилами, которые позволяют нам отличать виновных от невиновных. Но как государства, так и неправительственные группировки, могут игнорировать любой из наборов правил» [10, с. 12]. Луис Ричардсон (Louise Richardson), еще один уважаемый ученый, объясняет, что террористические органи-

зации имеют политические цели, которых они пытаются достичь через насилие или угрозу насилием, и что применение насилия не призвано победить противника, но передать некое послание при помощи актов насилия, имеющих символическое значение, которые привлекают максимум внимания к их идее [11, с. 4–5].

Синди Комбс называет терроризм «синтезом войны и театра: инсценировкой насилия, которая разыгрывается с невинными жертвами и перед зрителями в надежде вызвать чувство страха без сожаления или раскаяния в угоду политическим целям» [12, с. 123]. А Брюс Хоффман, один из наиболее признанных в международных кругах ученых в этой области, определяет терроризм как «целенаправленное создание и использование страха через насилие или угрозы насилием в преследовании политических целей ... [он] предназначен для оказания широкого психологического воздействия не только на непосредственные жертвы или объекты террористической атаки... [и] для создания власти, где ее нет, или для укрепления власти, где ее очень мало» [13, с. 40–41]. Хоффман также отмечает, что некоторые аспекты различных определений терроризма являются основополагающими. Например, большинство определений терроризма включают определенное политическое измерение (как это указано у многих авторов, которых я только что упомянул), обычно желание политического изменения. На самом же деле мотивом террористических группировок является желание предотвратить политическое изменение, или сохранить статус-кво. (Более того, государства также могут терроризировать своих граждан, и когда это происходит, это обычно является ситуацией, когда политическое изменение не желательно.

Фундаментальной среди большинства описаний и определений терроризма является идея о том, что те, кто им занимается, не соблюдают обычные нормы политического насилия [14, с. 64–70] – скорее они намеренно нацеливаются на невинных (включая военнослужащих не при исполнении служебных обязанностей, сотрудников правоохранительных и других государственных органов), и стараются нанести психологическую травму через как минимум (а то и более чем) смерть или ущерб. И, конечно же, существуют также и криминальные аспекты терроризма. Террористы убивают, калечат и уничтожают, и было бы трудно найти в цивилизованном мире такой суд, который не считает это преступлением вне зависимости от мотивов или конечных целей. Далее, террористы обычно также за-

нимаются отмыванием денег, кражами, мошенничеством, шантажом, контрабандой (включая наркотики, оружие и людей), ограблением банков и многими другими видами криминальной деятельности [15, с. 62].

Алекс Шмид (Alex Schmid), еще один уважаемый во всем мире ученый в этой области, отмечает, что криминальные и террористические организации имеют много общего: они действуют рационально, у них есть жертвы, они используют схожую тактику, например, похищение людей и убийства, они работают тайно, они объявлены вне закона правящим режимом и стоят в оппозиции к правительству [16, с. 66–67]. Тем не менее, через большинство определений терроризма проходит красной нитью вопрос мотивов. Например, эксперт по организованной преступности Фил Уильямс различает террористические и преступные организации по их мотивам: в центре террористических организаций есть желание провести (или предотвратить) политическое изменение, в то время как криминальные организации сосредоточены на формировании и максимизацию прибыли [17, с. 195–196]. Далее, террористические акты необходимо рассматривать как итог всей деятельности, включающей в себя финансирование, вербовку, обучение, выработку специальных навыков и подготовку к теракту, и может длиться в течение нескольких месяцев или даже лет. Криминальные организации направляют большинство своих усилий на собственную защиту от конкурентов или правительства и органов правопорядка и преследуют стратегию управления, уклонения, контроля или снижения риска, но, конечно же, многие террористические группировки занимаются этим тоже. По большей части один аспект, отличающий террористов от других преступников – это политический характер насилия, которое они применяют. Многие рассматривают терроризм как использование угрозы насилием для осуществления изменений, и очень часто изменения, которые преследуют террористы, являются так или иначе политическими.

Можно также видеть четкое различие между террористами и преступниками по их отношению к деньгам. Как отмечает Лоретта Наполеани, преступные организации ведут свою деятельность как частные компании, имеющие своей конечной целью накопление прибыли. В отличие от них террористические организации более заинтересованы в денежных расходах, чем в отмывании; вместо накопления и максимизации прибыли деньги должны быть распределены по всем ячейкам сообще-

ства для обеспечения их деятельности [18, с. 31–33]. В общем и целом, в то время как терроризм часто рассматривается как форма политического насилия, специалисты в области правопорядка рассматривают его как уникальную форму преступления с применением насилия – уникальную в первую очередь благодаря его мотивам. Тем не менее, растет число авторов, которые стали предполагать, что различие между организованной преступностью и терроризмом может быть нечетким. Например, Уолтер Лакер утверждает, что пятьдесят лет назад между терроризмом и организованной преступностью проходила четкая разделительная линия, но что «в недавнее время эта линия стала размываться и в некоторых случаях появился симбиоз между терроризмом и организованной преступностью, которого раньше не существовало» [19, с. 211]. Другие ученые описали этот феномен как связь, слияние, континуум, или парадигму другого рода, где участвуют подвижные, постоянно изменяющиеся отношения среди членов террористических и криминальных сообществ [20, с. 159–170]. Эти непрерывные изменения в мире терроризма мы обсудим более подробно позже в этой серии лекций.

В конце 1980-х Шмид и несколько его европейских коллег провели исследование нескольких сотен публикаций о терроризме и обнаружили определенное количество общих характерных элементов. На основании данного исследования они предложили определение, которое пытается охватить большую часть того, в чем сходится ученое сообщество при использовании этого термина: «Терроризм – это вселяющие страх методы совершения повторяющихся жестоких актов, используемых (полу-)подпольными лицами, группами или государственными субъектами, по преступным или политическим причинам, где – в отличие от политического убийства – непосредственные цели насилия не являются их основными целями. Непосредственные человеческие жертвы обычно выбираются произвольно (внеплановые цели), или выборочно (характерные или символические цели) среди целевого населения и служат в качестве генераторов посланий. Процессы коммуникации, основанные на угрозах или насилии, между террористами (организацией) и (подверженными опасностям) жертвами и основными целями используются для манипулирования основной целью (аудиторией) для превращения её в цель для террора, цель для выдвижения требований, или цель для привлечения внимания в зави-

симости от того, что в первую очередь преследуется: устрашение, принуждение или пропаганда» [21, с. 5–6].

В качестве рабочего определения терроризма для исследования коммуникационной системы терроризма можно использовать следующее:

Терроризм – это комбинация стратегий и жестокой тактики, при которой жертвы (т.е. обычные граждане) являются частью более широкой цели (например, правительство). Эти стратегии и тактики используются лицами или группами лиц в преследовании определенного типа целей – обычно политического, социального, криминального, экономического или религиозного характера, и они считают терроризм самым эффективным способом получения власти необходимой для достижения этих целей.

В основном данное определение отражает точку зрения о том, что терроризм в некоторой степени является продуктом первично неравного распределения власти на местном, национальном уровне или в мировом масштабе. Заведомо упрощенный взгляд на терроризм подчеркивает более широкий и более важный основной вопрос: выбор при принятии террористических методов основан на вере, что настоящее неудовлетворительно и, таким образом, нужно что-то делать, чтобы обеспечить лучшее будущее.

Таким образом, для всех – от политических революционеров до религиозных боевиков – результаты одинаковы в плане принятия ими политически насильственной тактики в качестве средства достижения их целей. Неудовлетворенность статусом привела к формированию террористических группировок в Ирландии, Италии, Египте, Германии, Шри-Ланке, Японии, Индонезии, на Филиппинах, в Соединенных Штатах и многих других государствах. Более того, терроризм доказал свою эффективность в осуществлении изменений с точки зрения некоторых наблюдателей. Например, терроризм заставил могущественные Соединенные Штаты (и позже Израиль) уйти из Ливана, и убедил французов покинуть Алжир. Чтобы понять терроризм, нужно на определенном уровне иметь способность понять, как террористы смотрят на самих себя и как они оправдывают свое поведение.

Список литературы

1. National Counterterrorism Center 2008 Report on Terrorism. April 30, 2009. URL: <http://wits.nctc.gov/ReportPDF.do?f=crt2008nctcannexfinal.pdf>.
2. National Counterterrorism Center 2008 Report on Terrorism.

3. Грачев С.И., Корнилов А.А. К вопросу о дефиниции «терроризм» Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2014. – № 3.
4. Федеральный закон РФ от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму».
5. 22 US Code, Section 2656 (d) цитируется по US States Department Patterns of Global Terrorism, 1999. Washington, DC: Dept of State Publication, April 2000.
6. US Department of Defense, Department of Defense Dictionary of Military and Associated Terms. URL: www.dtic.mil/doctrine/jel/new_pubs/_jp1_02.
7. National Institute of Justice website on terrorism: nij.gov/topics/crime/terrorism/welcome.htm.
8. Балуев Д.Г. Личностная и государственная безопасность: современное международно-политическое измерение. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора политических наук / Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского. – Нижний Новгород, 2004.
9. Bruce Hoffman, Inside Terrorism. New York: Columbia University Press, 1998.
10. David C. Rapoport. Before the Bombs There Were Mobs: American Experiences with Terror // Terrorism and Political Violence 20, № 2 (2008).
11. Louise Richardson. What Terrorists Want. New York: Random House, 2007.
12. Cindy C. Combs. Terrorism in the Twenty-First Century. New Jersey: Prentice Hall, 2003.
13. Bruce Hoffman. Inside Terrorism. New York: Columbia University Press, 2006.
14. Балуев Д.Г. Приватизация военно-силовых функций государства: каковы перспективы? // Мировая экономика и международные отношения. – 2004. – № 3.
15. Грачев С.И., Баймашев Ю.М., Криминологическая детерминанта современно терроризма в России // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2013. – Спецвыпуск.
16. Alex P. Schmid. The Links between Transnational Organized Crime and Terrorist Crimes // Transnational Organized Crime. 2, № 2 (1996).
17. Phil Williams. Strategy for a New World: Combating Terrorism and Transnational Organized Crime // Strategy in the Contemporary World. Oxford University Press.
18. Loretta Napoleoni. The new Economy of Terror: How Terrorism is Financed // Forum n Crime and Society. Nos 1 and 2 (2004).
19. Walter Laqueur. The New Terrorism. Oxford University Press, 199, P. 211.
20. Tamara Makarenko. The Ties and Bind: Uncovering the Relationship between Organized Crime and Terrorism // Global Organized Crime: Trends and Developments. Dordrecht: Kluwer, 2003.
21. Alex P. Schmid, Albert J. Jongman et al. Political Terrorism: A new Guide to Actors, Authors, Concepts, Data Bases, Theories, and Literature. Amsterdam: Transaction Books, 1988.